

Gilson. LE THOMISME

2-ое издание, дополненное и исправленное. Paris, 1922.

Книга Жильсона называется — Введение к системе св. Фомы. Действительно Жильсону удается представить философское учение Фомы Аквинского, как строго законченную и последовательную систему, как настоящее «мировоззрение». Мир св. Фомы — строго организованная иерархия: Бог, различные ангельские чины, человек, животные, растения и т. д. Каждое существо занимает в нем строго определенное место; каждое обладает присущим ему «по чину» совершенством, бытием, познанием. Местом человека в этой иерархической лестнице и определяется его природа и его основные свойства: человек есть *animal rationale mortale*, наивысшее из существ телесно-душевных, наивысшее из существ духовно-душевных. Телесность также, как и духовность его одинаково необходимы, конститутивные моменты. Человек не дух, владеющий телом; не дух заключенный в тело, как в тесницу. Он по сущности своей духовно-телесное существо, *totum compositum*, стоящее между мирами чистых духов (ангелов) и неразумных животных. Он обладает духом и разумом, но не есть ни дух, ни разум, также как обладает телом, но не есть тело. Пропасть, отделяет его от ангела, чистого духа, непосредственно или посредственно созерцающего Бога; человеческий разум *tabula rasa*, на которой чувственное восприятие пишет свои письма и который сам совершенно неспособен делать что-либо иное, как путем абстракции, из чувственного материала формировать общие представления, как и полагается дискурсивному разуму телесно-духовного существа. Такое существо не может иметь идеи Бога — и может только путем абстракции, основываясь на принципе причинности, дойти до необходимости признания первой причины всего

существующего, вершины иерархической лестницы. Нет и не может поэтому быть никакого иного доказательства, кроме апостериорного — *ratione quia*, и должны быть оставлены априорные доказательства *ratione quod*.

Место, которое св. Фома определяет человеку в мировой иерархии, как видим, очень невысоко, — но с другой стороны именно благодаря абсолютной недоступности и трансценденности Бога, благодаря невозможности непосредственного воздействия света божественной истины на наш разум, отсутствию в нем каких-либо врожденных идей — разум человеческий приобретает самостоятельность, которой он не имеет ни у августинцев, ни у аверронистов. Деятельный интеллект становится частью человеческого индивидуального разума.

Жильсон оттеняет характер активности разума в системе св. Фомы, прикладывая деятельность, действия в его этике. Ничего не дано — все должно быть добыто, сделано, сформировано — и познание, и *habitus*'ы мысли и добродетели.

Система св. Фомы, по мнению проф. Жильсона, является в истории мысли одним из наиболее знаменательных событий, одним из поворотных пунктов развития западной мысли. В ней выразилось новое отношение человека к миру и Богу; новое отношение его к самому себе. Бог из имманентно присутствующего в мире, в нем символически выражающегося творческого добра, «более близкого душе, чем она сама», стал трансцендентным его творцом, его далекой, вечной первопричиной. Мир, бывший только образом божественной славы, стал противопоставленным Богу-творцу самостоятельным бытием; новую самостоятельность почувствовал в себе и в миру стоящий человек; он сам, своими силами и действует и познает. Разум человече-

ский поэтому получает формальную независимость от веры; философия отделается и высвобождается из под власти теологии. Пусть слаб человеческий разум — но то, что он познает, он познает сам, самостоятельно, *suu sponte*, в силу ему Богом дарованных способностей и свойств. Пусть несовершенно чувственное восприятие и рационально-абстрактное познание — это единственный вид знания, присущий телесно-духовному существу.

Понятно каким переворотом в мироощущении средневековья явилось учение св. Фомы: не в рецепции Аристотеля роль Аквината, а в том, что он дал этому новому самосознанию человека блестящее и законченное выражение. И поэтому очень глубоким мне кажется парадоксальное на первый взгляд утверждение проф. Жильсона, что *новая философия* должна признать своим отцом св. Фому Аквинского, ибо впервые в христианском мире была им провозглашена автономия философии и автономия человеческого разума. Хотя и сравнительно краткая, книга Жильсона является одним из самых полных и точных изложений томизма, существующих в современной литературе. Мы не будем входить в критику положений автора —

в краткой заметке это, конечно, невозможно. Нам кажется все же, что Жильсон быть может переоценивает роль св. Фомы и приписывает ему слишком большую оригинальность. Огромное историческое значение св. Фомы, его неподражаемый систематический талант, несравненная ясность изложения и мысли — безспорны. Но не следует упускать из виду, что все почти основные положения его учения уже до него были разработаны арабской и еврейской философией. Аверроес и Маймонид уже до Фомы выразили новое отношение человека к Богу и миру; задолго до Фомы были разработаны и все его доказательства бытия Божия Александром Афродизийским и св. Ансельмом; быть может преувеличивает проф. Жильсон и систематическое единство учения и его независимость от положений *данных святому Фоме* гугушдийской веры. Личность Фомы Аквинского была глубже его учения, и быть может лучше всего выразилась не в том, что он написал *Summa'y Theologiae*, а в том, что он, не вникая мольбам учеников, не закончил труда своей жизни. Ибо все это — так сказал за несколько месяцев до своей смерти св. Фома, указывая на груды рукописей — *sunt mihi ut pallea*.

H. Bergson. LE TEMPS ET LA DURÉE (XVIII+241)

2 éd. 1925. Paris, F. Alcan. 1922.

Среди многочисленных работ, посвященных философии и не философии изложению и критике теории относительности, небольшая книга Бергсона, занимает выдающееся место. Значение ее не только в том, что знаменитый философ определяет в ней свое отношение к этой, революционировавшей научное мышление последних лет теории; не только в том, что по поводу теории относительности он часто дает более ясную и точную — может быть даже отчасти и модифицированную — формулировку собственных воззрений на

природу пространства и времени по главным образом в том, что не останавливаясь на формулах на внешней, парадоксальной стороне доктрины, он пытается *получить* ее философское значение и смысл.

Казалось бы эта задача является первой и основной задачей философа, желающего разобраться в той серии проблем, которые подняты — или вновь поставлены на очередь теорией относительности; в действительности однако, большинство из писавших по данному вопросу ограничивается или поверхностно